

УДК 811.161.1'42 + 811.161.1'276.6

Н. О. Верещагина
Э. В. Булатова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАТЕКСТАХ ДМ. СОКОЛОВА-МИТРИЧА

В статье предпринимается попытка исследования непрямой коммуникации (НК) как способа передачи коммуникативно-прагматического содержания в речи публичной языковой личности. Предлагается классификация типов планируемой НК в соответствии с теми целями, которые ставит перед собой говорящий. Описывается специфика применения обозначенных типов планируемой НК на примере медиатекстов журналиста Дмитрия Соколова-Митрича.

К л ю ч е в ы е с л о в а: непрямая коммуникация; планируемая непрямая коммуникация; медиатекст; языковая личность.

Проблема передачи и интерпретации коммуникативных смыслов, оказавшаяся в центре внимания лингвистики в последние десятилетия, стала причиной интенсивного изучения явления непрямой коммуникации (далее — НК), т. е. «содержательно осложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [5, 3].

Определение НК было сформулировано в конце XX в., однако отдельные явления поля НК рассматривались учеными и раньше: широко изучались средства создания образности речи, косвенные речевые акты, эвфемизмы, языковая игра и т. д. В рамках теории НК написаны работы И. Н. Борисовой, И. Т. Вепревой, Е. Г. Григорьевой, Т. А. Гридиной, В. В. Дементьева, А. В. Кравченко, Л. П. Крысина, Малгожаты Киты, В. П. Москвина, Е. В. Омельченко, И. И. Прибыток, Л. Н. Саакяна, К. Ф. Седова, С. С. Тахтаровой, К. С. Шилихиной и других специалистов.

Тем не менее, несмотря на интенсивное исследование различных аспектов НК, явление непрямой передачи смыслов на сегодняшний день изучено недостаточно полно. В частности, мы не обнаружили трудов, посвященных проблеме применения НК в творчестве отдельной языковой личности, которая представляется весьма актуальной в свете сложившейся антропоцентрической направленности развития науки о языке.

Все это заставляет нас обратить внимание на специфику применения НК как способа передачи коммуникативно-прагматического содержания публичной языковой личностью. Материалом исследования послужили медиатексты одного

ВЕРЕЩАГИНА Наталья Олеговна — выпускница департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: philippovanatalia@gmail.com).

БУЛАТОВА Элина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: elina2824@yandex.ru).

© Верещагина Н. О., Булатова Э. В., 2014

из наиболее популярных журналистов России, Дмитрия Соколова-Митрича, опубликованные в электронной газете «Взгляд», в журналах «Русский репортер» и «Фома», в газете «Вечерняя Москва» и на информационном портале «Православие.ру» в 2013–2014 гг. Выбор медиатекстов Дмитрия Соколова-Митрича в качестве объекта исследования обусловлен популярностью журналиста, влиянием его творчества на массовую аудиторию, а также наличием у него неповторимого индивидуального стиля письма, ключевое место в котором, на наш взгляд, занимает НК.

Следует уточнить, что анализируя творчество журналиста с точки зрения специфики применения языковых средств НК, мы опираемся на понятие планируемой НК. Как отмечает В. В. Дементьев, «планируемая НК используется сознательно, как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта» [5, 206]. Другими словами, в планируемой не прямой коммуникации содержательная осложненность и дополнительные интерпретативные усилия адресата являются следствием коммуникативно-прагматического выбора адресантом единиц речевого взаимодействия [1].

В связи с этим нам представляется возможным классифицировать планируемую НК в соответствии с теми целями, которые преследует адресант, использующий форму не прямой передачи смыслов, и выделить:

- 1) НК как способ передачи имплицитного содержания: эллиптические и неполные предложения, пресуппозиции, подтекст;
- 2) НК как способ этикетизации речи: косвенные речевые акты, эвфемизмы;
- 3) НК как способ косвенной речевой агрессии: ирония;
- 4) НК как способ создания выразительности речи: образные средства, языковая игра.

Стоит также отметить, что каждый вид НК в той или иной степени выполняет сразу несколько функций. Например, ирония служит не только для выражения речевой агрессии, но и для создания выразительности речи. Все виды НК используются для передачи имплицитного содержания и т. д. Тем не менее мы считаем данную классификацию возможной, поскольку за ее основу было принято то, какая функция превалирует над остальными.

В аспекте специфики применения средств НК Дм. Соколова-Митрича можно охарактеризовать как рационально-эвристическую личность¹, склонную шифровать свои высказывания, пользоваться намеками, иронизировать, т. е. усложнять коммуникацию [6]. Проанализировав медиатексты журналиста, мы пришли к выводу, что Дмитрий Соколов-Митрич активно применяет различные типы планируемой НК в своем творчестве.

1. Имплицитность: эллиптические и неполные предложения, пресуппозиция, подтекст. Эллиптические и неполные конструкции связаны с незаполненностью словом позиции какого-либо члена предложения и используются как средство экономии речи, что придает высказываниям больший динамизм и эмоционально-экспрессивную окрашенность. Например, *«Продается дом, недалеко от города, в шаговой доступности сказочное озеро. Раньше так выглядела формула счастья,*

¹ По типологии языковых личностей, предложенной К. Ф. Седовым [5].

теперь — рецепт унижения» [20]. Незамещенные синтаксические позиции высказывания восстанавливаются без особого труда: «Продается дом, недалеко от города, в шаговой доступности *располагается* сказочное озеро. Раньше так выглядела формула счастья, теперь *так выглядит* рецепт унижения». Отсутствие элементов не создает дополнительных смыслов и поэтому никак не влияет на интерпретацию высказывания.

Более сложную интерпретацию подразумевает пресуппозиция, содержание которой адресат способен восстановить логически, опираясь на ситуацию общения и имеющийся опыт [41]. По определению Г. В. Колшанского, пресуппозиция — «предварительное знание, как бы программирующее соответствующее однозначное понимание как отдельных слов внутри фразы, так и, следовательно, всей фразы» [7, 77].

Несмотря на то, что в большинстве случаев прагматическая пресуппозиция в творчестве журналиста опирается на явление прецедентности (например, заголовки статьи *«Здравствуйте, я ваша дядя»* [22] требует знания прецедентного высказывания *«Здравствуйте, я ваша тетя»*), в текстах встречаются и другие способы выражения пресуппозиции. Приведем пример: *«Большинство французов в свободное от работы время действительно не молчат ни секунды. Достаточно понаблюдать за ними в обеденный перерыв — большая часть этого времени уходит у них на абсолютно бессодержательный галдеж. Причем плотность его столь велика, что даже удивительно, как между гласными и согласными во французские организмы успевают просочиться хоть какие-то калории»* [19].

Последнее предложение содержит пресуппозицию, без понимания которой интерпретация высказывания может быть затруднена. Данная пресуппозиция заключается в контексте высказывания (контекст дает нам знание о том, что речь идет: 1) о французах; 2) о том, что они не молчат ни секунды; 3) о том, что они не молчат ни секунды даже во время обеда), а также в общем знании о том, что звуки бывают гласные и согласные, а калории — энергетическая ценность пищи. Если адресат не обладает данными знаниями, то высказывание представится ему неуместным.

Наиболее часто пресуппозиция в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича служит симптомом, указывающим на наличие определенного подтекста.

Как отмечает Л. М. Майданова, подтекст «создается за счет того, что в текст вводятся сигналы, заставляющие читателя сопоставить читаемое с жизненным опытом и сделать вывод или сопоставить воспринимаемый отрезок с ранее прочитанным и сделать вывод» [11].

Подтекст играет важную роль в публикациях Дм. Соколова-Митрича. Например, для того, чтобы правильно интерпретировать главную мысль статьи *«Люди в черном»* [24], читателю необходимо совершить внутритекстовое сопоставление. Начинается материал с рассказа автора об экспонате московского «Экспериментариума» под названием «Хаотичный маятник», каждая деталь которого совершает абсолютно непредсказуемые и различные по скорости и направлению движения. *«Остановить хаотичный маятник получится лишь двумя способами. Первый — просто дождаться естественной усталости, когда энергия в нем иссякнет и все элементы конструкции снова станут двигаться сообща. Второй — прекратить*

хаос путем вмешательства внешней непреодолимой силы. То есть попросту взять и собственными руками его остановить. Ни одна из деталей маятника не способна сделать это сама. Хотя, по всему видно, что отчаянно пытается».

Далее автор называет хаотичный маятник танцем войны, и мы начинаем понимать, что разговор пойдет о вещах более серьезных, чем физика: *«Смута в человеческом обществе зарождается, продолжается и прекращается по тем же законам, что и любой другой хаос в природе».*

Автор проводит параллель между хаотичными движениями маятника и хаосом, царящим сегодня на Украине. Красной линией сквозь весь текст проходит данная метафора: *«двойной маятник смуты»; «маятник хаоса начинает раскачиваться, когда люди перестают видеть в поле тропинки»; «второе плечо двойного маятника войны»; «еще немного и процесс генерации хаоса станет необратим»; «заигравшимся в своем “Экспериментариуме” политикам»* и т. д.

При помощи подтекста автор подводит нас к мысли о том, что ситуация на Украине, так же как и любой хаос, подчиняется законом физики, по которым маятник можно остановить, либо *«дождавшись естественной усталости, когда вся энергия в нем иссякнет»*, либо воздействовав на него *«непреодолимой силой»*. Данная мысль выражена в тексте имплицитно, однако только правильно интерпретировав ее, мы понимаем иронию автора: *«Видимо, лучше всех физику в школе изучали монахи»*. Ведь именно монахи молятся о вмешательстве непреодолимой силы, понимая, что только так можно остановить хаос.

Далее автор описывает состояние людей, уставших отстаивать правду и жаждущих теперь только мира: *«Трусливое благоразумие любого народа всегда чувствует, когда второе плечо двойного маятника войны уже начинает не слушаться плеча первого»*. Сопоставив данное высказывание с описанием экспоната «Хаотичный маятник», мы понимаем, что автор говорит о втором способе остановить хаос — об естественной усталости.

Главная мысль (ГМ) в тексте выражена такими словами: *«В некоторых ситуациях избежать войны можно только взаимным усилием слабости. И в Украине сегодня именно такая ситуация»*. Без понимания подтекстового содержания ГМ кажется необоснованной, поэтому можно сказать, что подтекст имеет в данном тексте ключевое значение.

Подчеркивает ГМ экспрессивная концовка статьи: *«Вам не нравится быть слабым? Ну, тогда давайте, меряйтесь силой дальше. У вас есть дети?»* Автор использует косвенный речевой акт (КРА) для образной подачи своего суждения: *«Если вы не хотите быть слабым (т. е. уступить), то продолжайте меряйтесь силой, но учтите, что от этого пострадают и ваши дети»*. Вопрос *«У вас есть дети?»* звучит еще более экспрессивно, если обратить внимание на то, что с этого вопроса журналист начинает свой текст: *«У вас есть дети? Сходите с ними в московский “Экспериментариум”»*.

Подтекстовое содержание проявляется в текстах Дмитрия Соколова-Митрича при помощи различных средств языка и стилистических приемов: прецедентных текстов, языковой игры, фразеологизмов, иронии, косвенных речевых актов, метафоры, экспрессивного синтаксиса, повторов, кольцевой композиции и др.

2. Этикетизация речи: косвенные речевые акты, эвфемизмы. По определению, предложенному Д. Р. Серлем, «косвенный речевой акт имеет место в случаях, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [цит. по: 5, 23].

Косвенные речевые акты в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича используются в основном как средство непрямого выражения суждения автора. Например: *«Ну и кто я после этого? Автомобилист? Пешеход? Быдло из метрополитена? Или все-таки просто человек, москвич, гражданин России?»* [34].

Автор таким образом при помощи КРА подводит читателя к выводу, что нельзя делить людей на автомобилистов и пешеходов, что каждый человек, как гражданин России, имеет равные права.

Помимо непрямого выражения суждения автора, КРА применяются как способ прагматического воздействия на адресата: *«Ну, чего вы так возбудились по поводу платных парковок? Дорого? Неудобно? Унизительно? А кто хотел решения транспортных проблем? А кто хотел прекращения парковочного хамства? А кто, наконец, хотел жить как в Европе?*

Или все-таки свой родной бардак дороже? Или все-таки ездить дикарем и парковаться дикарем как-то сподручней? Сделайте уже, наконец, свой честный выбор между трусами и крестиком» [Там же].

Чередой вопросов, выражающих косвенную интенцию утверждения, автор добивается возникновения определенного перлокутивного эффекта: «Вы возбудились по поводу платных парковок, не имея на то причин. Дорого, неудобно и унизительно не являются достаточными причинами, поскольку вы сами хотели решения транспортных проблем, вы сами хотели прекращения парковочного хамства, вы сами хотели жить как в Европе. Если вы все-таки видите причины для возбуждения, значит вам свой родной бардак дороже, значит все-таки ездить дикарем и парковаться дикарем вам сподручней».

Автор воздействует на читателя, смягчая свою интенцию, не высказывая прямо данное утверждение, а позволяя читателю, отвечая на вопросы, самому прийти к нужному выводу.

Эвфемизмы наравне с КРА способствуют эффективному взаимодействию субъектов коммуникативного процесса.

Под эвфемизмами мы, вслед за Л. Н. Саакяном, понимаем «слова и выражения, заменяющие грубые, резкие обозначения, которые представляются говорящему неуместными, не вполне вежливыми, и каузативной основой которых является стремление не обидеть, не задеть слушающего» [16, 3].

Эвфемизмы в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича в основном служат заменой табуированных слов и явлений: *«глубоко в штанах в области причинного места»* [23]; смягчением прямого названия какого-либо явления: *«мусульманка с не самой узкой талией»* [21]; *«человек, мягко говоря, не знакомый с законами коммуникации»* [Там же]; средством выразительности: *«духовные потомки тех, кто уничтожил львовских евреев в 1941-м»* [24] (о бандеровцах).

Среди языковых средств эвфемизации речи журналиста можно назвать выражения типа *«мягко говоря»*, *«так сказать»*; кавычки: *«в тех многочисленных версиях “идеальных мужчин”»* [30]; *«без этих дурацких “убийств чести”»* [Там же];

иноязычные слова и термины: «*лудоман*» [39]; слова-определители с «диффузной» семантикой: «*какую-то вкусняшку*» [25]; номинации с достаточно общим смыслом, используемые для называния вполне конкретных предметов и понятий: «*Очень скоро я уткнулся в группу парней славянской наружности, которая сделала мне предложение, от которого было трудно отказаться*» [37].

3. Ирония. По определению В. В. Дементьева, «ирония — это такая агрессия, в которой говорящий не может быть уличен» [5, 74].

Ирония занимает особое положение в творчестве журналиста: индивидуальный стиль Дм. Соколова-Митрича, на наш взгляд, сформировался под воздействием общей тенденции языка СМИ к иронизированию. Ирония часто служит косвенной передаче социальной оценки журналиста, созданию шутливой манеры изложения, комического эффекта.

Ирония в медиатекстах публициста создается при помощи таких языковых средств, как гипербола, градация, намеренный алогизм: «*Хорошо, если усопший был верующим — хотя бы в церкви полежит, подышит*» [18]; перифразы: «*продукт жизнедеятельности*» (о покойнике) [Там же], метафоры: «*наелся я этой сладкой отравы по самое не балуйся*» [31]; экспрессивный синтаксис, грамматические формы диминутива: «*кучка родственников*» [18]. Наиболее часто для создания иронии журналистом используется языковая игра: «*До последнего держались бульвары, но и их вскоре оккупировали пивососущие млекопитающие*» [28], и прецедентность: «*Разве может юноша бледный со взором горящим расписать всю свою последующую жизнь?*» [33].

Кроме того, ирония не всегда выражается с помощью определенных языковых средств, она может пронизывать весь текст, формируя его двуплановость: «*Срочное сообщение. Представители крупнейших национальных телеканалов провели совместную пресс-конференцию, на которой заявили, что они приняли коллективное решение — не ограничиваться отменой юмористических программ, а отказаться от трансляции в новогоднюю ночь всех развлекательных передач. Вместо заготовленных заранее шоу российские телезрители увидят по всем каналам единый новогодний телемарафон солидарности... Красиво, да? Но помечтали и хватит. Не было никакой пресс-конференции и не будет. Все как обычно: голубой огонек, искусственный снег, фанерный звук, ботоксные лица, силиконовые груди, гиалуроновые губки, половецкие пляски псевдоэлит. Ну, может, вмонтируют секунд на тридцать драгоценного эфирного времени печальный монолог ведущего на тему “мы скорбим, но жизнь продолжается”. А может, и не вмонтируют. Война войной, а дискотека по расписанию*» [26].

В представленном фрагменте публикации Дм. Соколова-Митрича «Мне стыдно» ирония строится на эффекте обманутого ожидания. Автор намеренно начинает текст с рассказа о том, как будет проходить новогодний телеэфир в свете произошедшей трагедии, чтобы подчеркнуть, насколько реальность не соответствует идеалу. Ирония получает словесное выражение только в последнем абзаце. До этого момента текст делится на два плана: прямое выражение получает вымысел автора о том, как вся страна в минуты скорби объединяется перед телевизором, чтобы разделить в новогоднюю ночь горечь утраты по погибшим во время теракта. Понимая сюрреалистичность описываемого, читатель начинает догадываться

о том, что автор ведет с ним двойную игру и в статье присутствует содержание второго плана. Имплицитно в тексте выражается примерно следующее: «Несмотря на траур, в новогоднюю ночь будут транслироваться развлекательные передачи. Вопрос о корректировке телеэфира даже не обсуждался».

Эксплицитное выражение иронии получает лишь в последнем абзаце при помощи градации по признаку искусственности (голубой огонек, искусственный снег, фанерный звук, ботоксные лица, силиконовые груди, гиалуроновые губки, половецкие пляски псевдоэлит), которая служит контрастом описанию настоящих человеческих чувств; иронических эпитетов (драгоценное эфирное время, печальный монолог ведущего); языковой игры (Война войной, а дискотека по расписанию), построенной на замене лексической единицы «обед» в фразеологизме «Война войной, а обед по расписанию» и образно выражающей авторскую оценку системы ценностей нашего общества.

4. Выразительность речи: образные средства, языковая игра. С нашей точки зрения, НК играет ключевую роль в реализации творческих возможностей журналиста, представленных индивидуально-авторским, нестандартным применением средств, которые служат созданию выразительности речи и участвуют в формировании языковой игры.

Проанализировав публикации Дмитрия Соколова-Митрича, мы обнаружили большое разнообразие языковых средств выразительности. В текстах присутствуют метафоры: «город, который можно полюбить до дырки в сердце» [28]; «в окопах фейсбука» [31]; метонимия: «Калуга шла ноздря в ноздю с Ярославлем» [Там же]; синекдоха: «лицо южных кровей, небрито, недобро» [21]; олицетворения: «в гостиной за завтраком по-русски говорит только телевизор» [25]; перифразы: «хрупкая девушка с пышным рюкзаком» [20]; антифразис: «сильно умные люди в РЖД» [29]; оксюморон: «живописная серость» [39]; эпитеты: «страстные недоброжелатели» [35]; «грустные неновогодние люди» [Там же]; сравнения: «метро — это как будто у тебя 188 машин, из которых 44 признаны объектами культурного наследия» [32] и т. д.

В. В. Дементьев указывает, что креативность является обязательным свойством НК [5, 109]. В связи с этим языковая игра представляется нам значимым элементом в системе средств планируемой непрямой коммуникации.

Мы, вслед за Т. А. Гридиной, понимаем языковую игру как «неканоническое использование языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних, пусть даже эта установка ограничивается стремлением “не быть скучным, пошутить”, привлечь внимание к форме речи» [4, 3].

Языковая игра в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича привлекает внимание адресата, способствует эффективному взаимодействию с читателем, создает эффект конвергенции, придает тексту шутливую, комическую тональность, выражает оценку автора.

Журналист использует различные механизмы образования языковой игры. Большинство авторских неологизмов создаются по модели «существительное (глагол, прилагательное) + суффикс»: «мыслить не хотелками, а реалиями» [34]; «дрозофилы и дрозифилки» [29], а также при помощи присоединения к слову нетипичных, неожиданных морфем: «ни в одном пруду воду не разбермудишь» [20].

Наиболее распространенным средством языковой игры в творчестве Дмитрия можно назвать нарушение норм лексической сочетаемости с целью создания дополнительных эффектов: «*Пожалуй, главный орган его чувств — крестьянская смекалка*» [25]; «*Современный фермер должен быть не черноработчим, он должен быть продюсером коровы*» [29].

Очень часто в основе языковой игры лежат такие приемы, как метафора: «*они работают в плюшевом режиме, никого не трогают*» [20]; прецедентность: «*и всем этим ласковым маем мы едем копать*» [29]; заимствования: «*Все больше людей готовы вкладываться в общий орднунг*» [36]; фонетическое воспроизведение: «*бдышь!*» [38]; «*Огурец прибывает: вжик-вжик, тук-тук*» [29].

Одним из наиболее интересных типов языковой игры можно назвать лексико-семантическую: «*Юра Огурец из села Россолово*» [Там же]; «*Не покупайте эти шарики. Они бракованные. — Что, не надуваются? — Нет. Не радуют...*» [35].

Языковая игра активно применяется журналистом в целях привлечения внимания читателя и часто встречается в заголовках и подзаголовках публикаций: «*Немного мракобесия*» [20]; «*Могу молчать*» [27] и т. д.

Таким образом, НК занимает особое положение в медиатекстах журналиста. Дальнейшее развитие проблема использования НК в творчестве публичной языковой личности может получить в направлении описания непрямого использования жанров медиадискурса, а также во взаимодействии с рассмотрением таких актуальных проблем современного информационного пространства, как косвенное речевое воздействие, не прямое информирование и применение НК в виртуальном пространстве. С этой точки зрения, интересно было бы рассмотреть блогговое творчество Дм. Соколова-Митрича.

-
1. *Борисова И. Н.* Непрямая коммуникация в речевой систематике [Электронный ресурс] // Прямая и не прямая коммуникация. Саратов, 2003. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanyg-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения: 29.05.2014).
 2. *Вепрева И. Т.* Метаязыковой аспект не прямой коммуникации [Электронный ресурс] // Прямая и не прямая коммуникация (дата обращения: 29.05.2014).
 3. *Григорьева В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов, 2007. 288 с.
 4. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 130 с.
 5. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М., 2006. 560 с.
 6. *Карасик В. И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. № 7. С. 78–86.
 7. *Колишанский Г. В.* Контекстная семантика. М., 1980. 148 с.
 8. *Кравченко А. В.* Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка [Электронный ресурс] // Прямая и не прямая коммуникация (дата обращения: 29.05.2014).
 9. *Крысин А. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49.
 10. *Лутовинова О. В.* Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 22 с.
 11. *Майданова Л. М.* Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1987. 184 с.
 12. *Малгожата Кита.* Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка [Электронный ресурс] // Прямая и не прямая коммуникация (дата обращения: 29.05.2014).

13. *Москвин В. П.* О типах и приёмах создания речевой образности [Электронный ресурс] // Прямая и непрямо́я коммуникация (дата обращения: 29.05.2014).
14. *Омельченко Е. В.* Фасцинирующая составляющая в непрямо́й коммуникации // Филологические науки. 2013. № 1. С. 136–139.
15. *Прибыток И. И.* Дискуссионные моменты теории непрямо́й коммуникации [Электронный ресурс] // Прямая и непрямо́я коммуникация (дата обращения: 29.05.2014).
16. *Саакян Л. Н.* Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямо́го речевого убеждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.
17. *Седов К. Ф.* Агрессия как вид речевого воздействия [Электронный ресурс] // Прямая и непрямо́я коммуникация (дата обращения: 29.05.2014).
18. *Соколов-Митрич Дм.* Дайте умереть [Электронный ресурс] // Фома. 2013. 2 апр. URL: <http://www.foma.ru/dajte-umeret.html> (дата обращения: 29.05.2014).
19. *Соколов-Митрич Дм.* Дом населен призраками [Электронный ресурс] // Взгляд. 2012. 21 дек. URL: <http://vz.ru/opinions/2012/12/21/613105.html> (дата обращения: 29.05.2014).
20. *Соколов-Митрич Дм.* Заборобой [Электронный ресурс] // Русский репортер. 2013. 5 дек. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/12/04/> (дата обращения: 29.05.2014).
21. *Соколов-Митрич Дм.* Звуки Ме [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. 16 окт. URL: <http://www.vm.ru/news/2013/10/16/zvuki-me-218441.html> (дата обращения: 29.05.2014).
22. *Соколов-Митрич Дм.* Здравствуйте, я ваша дядя [Электронный ресурс] // Русский репортер. 2013. 13 февр. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/02/13/media/> (дата обращения: 29.05.2014).
23. *Соколов-Митрич Дм.* Криминальное чтиво [Электронный ресурс] // Русский репортер. 2011. 7 нояб. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2012/11/07/kriminal/> (дата обращения: 29.05.2014).
24. *Соколов-Митрич Дм.* Люди в черном [Электронный ресурс] // Православие. 2014. 27 янв. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/67885.htm> (дата обращения: 29.05.2014).
25. *Соколов-Митрич Дм.* Медленно и неправильно [Электронный ресурс] // Русский репортер. 2013. 23 янв. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/01/23/avtorpom/> (дата обращения: 29.05.2014).
26. *Соколов-Митрич Дм.* Мне стыдно [Электронный ресурс] // Фома. 2013. 31 дек. URL: <http://www.foma.ru/mne-styidno.html> (дата обращения: 29.05.2014).
27. *Соколов-Митрич Дм.* Могу молчать [Электронный ресурс] // Православие. 2014. 10 февр. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/68303.htm> (дата обращения: 29.05.2014).
28. *Соколов-Митрич Дм.* Московские ноги [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. 29 сент. URL: <http://www.vm.ru/news/2013/09/29/moskovskie-nogi-216009.html> (дата обращения: 29.05.2014).
29. *Соколов-Митрич Дм.* Мужик работает [Электронный ресурс] // Русский репортер. 2013. 28 нояб. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/11/25/ogurets/> (дата обращения: 29.05.2014).
30. *Соколов-Митрич Дм.* Настоящие мужики [Электронный ресурс] // Фома. 2013. 14 нояб. URL: <http://www.foma.ru/nenastoyashhie-muzhiki.html> (дата обращения: 29.05.2014).
31. *Соколов-Митрич Дм.* Очень плохая новость [Электронный ресурс] // Православие. 2013. 31 окт. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/65298.htm> (дата обращения: 29.05.2014).
32. *Соколов-Митрич Дм.* Последняя электричка в Простоквашино [Электронный ресурс] // Православие. 2013. 21 нояб. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/65936.htm> (дата обращения: 29.05.2014).
33. *Соколов-Митрич Дм.* Принципиальные вы мои [Электронный ресурс] // Взгляд. 2013. 30 апр. URL: <http://vz.ru/opinions/2013/4/30/630933.html> (дата обращения: 29.05.2014).
34. *Соколов-Митрич Дм.* Размышления у паркомата [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. 25 дек. URL: <http://www.vm.ru/news/2013/12/25/razmishleniya-u-parkomata-228824.html> (дата обращения: 29.05.2014).
35. *Соколов-Митрич Дм.* Реальное рождество [Электронный ресурс] // Фома. 2013. 5 дек. URL: <http://www.foma.ru/malenkaya-peshhera-i-bolshoe-serdce.html> (дата обращения: 29.05.2014).
36. *Соколов-Митрич Дм.* Умеренность и аккуратность [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. 16 янв. URL: <http://www.vm.ru/news/2014/01/16/umerennost-i-akkuratnost-231196.html> (дата обращения: 29.05.2014).

37. *Соколов-Митрич Дм.* Хорошие новости [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. 5 окт. URL: <http://www.vrn.ru/news/2013/10/05/horoshie-novosti-216922.html> (дата обращения: 29.05.2014).

38. *Соколов-Митрич Дм.* Эгоизм нынче дорог [Электронный ресурс] // Взгляд. 2013. 19 дек. URL: <http://vz.ru/columns/2013/12/19/665082.html> (дата обращения: 29.05.2014).

39. *Соколов-Митрич Дм.* Я – зеленая свинья [Электронный ресурс] // Русский репортер. 2013. 12 сент. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2013/09/11/greenpig/> (дата обращения: 29.05.2014).

40. *Тахтарова С. С.* Коммуникативное смягчение в парадигме вежливости // Актуальные проблемы коммуникации и культуры : сб. науч. тр. М., 2009. С. 194–198.

41. *Шилыхина К. М.* Что хотел сказать автор? (К проблеме интерпретации иронического высказывания) [Электронный ресурс] // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. № 5. URL: <http://lse2010.narod.ru/index/0-179> (дата обращения: 29.05.2014).

Статья поступила в редакцию 14.09.2014 г.

УДК 316.776.2:338.124.4

Д. Ф. Свечков

ВЛИЯНИЕ СМИ НА АУДИТОРИЮ ВО ВРЕМЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Рассмотрены концепции воздействия СМИ в периоды экономических кризисов. Проведен анализ публикаций на тему торговой войны с Россией, вышедших в «Комсомольской правде» за первое полугодие после вхождения в состав РФ полуострова Крым и введения по отношению к России первого пакета санкций. Определена концепция воздействия российских СМИ при освещении экономического кризиса и позиция, с которой осуществлялось воздействие на аудиторию. Проведен анализ реакции читательской аудитории на публикации путем изучения откликов на материалы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экономический кризис; санкции; воздействие СМИ.

Вопрос о влиянии средств массовой информации на поведение аудитории беспокоил общество с момента изобретения печатного станка. Эта проблема стала акцентироваться на рубеже XVII–XVIII вв., когда сформировалась структура, состоящая из каналов коммуникации, субъектов права и власти [19, 102]. Но лишь в XX в. ученые решили заняться изучением этого вопроса. Связано это было с Первой мировой войной, когда стала очевидна все возрастающая роль журналистики при ведении пропаганды и контроле общественного мнения.

Одним из первых исследователей в этой области стал журналист У. Липпман. В 1922 г. в книге «Общественное мнение» он утверждал, что реальна лишь та действительность, которая отражена в средствах массовой информации [3]. После этого в мире не прекращалась научная полемика о воздействии СМИ. Однако если сразу после Первой мировой войны ученые интересовались в первую очередь тем,

СВЕЧКОВ Данил Федорович — магистр журналистики, аспирант кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: hmason@mail.ru).

© Свечков Д. Ф., 2014